

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 125 (1731)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья И. Гундарова «Эффект социогуманизма», опубликованная в «Независимой газете», № 248, 13 ноября 2019 года.

Вологда
ноябрь 2019

Эффект социогуманизма

Либеральная и евразийская экономические модели – опыт 25-летнего сравнения

В 2009 году президент России Дмитрий Медведев заявил, что наша экономика – это «хроническая отсталость, примитивная структура, уничижительная сырьевая зависимость, коррупция». И предложил модернизацию. Однако никакой модернизации, по большому счету, не получилось. В 2012 году сменивший его на посту президента Владимир Путин вновь констатировал: «Иметь экономику, которая не гарантирует ни стабильности, ни суверенитета, ни достойного благосостояния – непозволительно... Необходимо выстроить эффективный механизм обновления экономики...» Но и к 2019 году обновления не наступило. Кто подскажет эффективный путь?

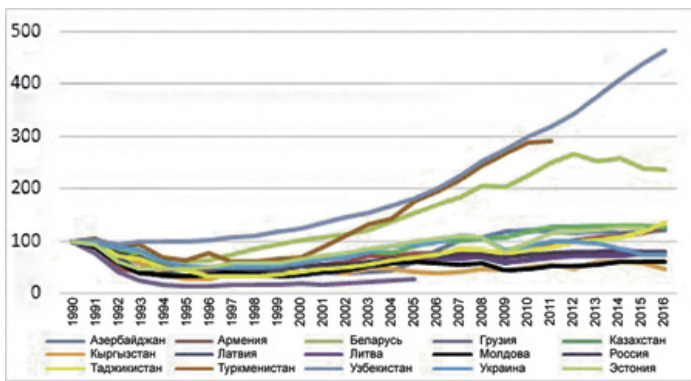

Рис. 1. Динамика индекса промышленного производства в странах СНГ и Прибалтики.

Промышленная оппозиция (Гринберг, Бузгалин, Бабкин, Глазьев, Титов и др.) стратегически согласны с правительством в том, что альтернативы рыночной экономике не существует. Нужна лишь ее модернизация для обеспечения 3–4% роста. У КПРФ тоже нет прорывной стратегии – разговоры об «экономическом чуде» правительства Примакова–Маслюкова не подкрепляются фактами. Экономический подъем в 1999 году, после дефолта 1998 года, – это всего лишь «эффект отскока», наступающего вслед за острым кризисом. Аналогичные спады-подъемы были в 1994–1995 годах, в 2009–2010 годах.

Поиск инновационного экономического пути требует и инновационной цели, под которую выстраиваются решения. Стратегической целью РФ должно стать опережение виртуальной РСФСР, которая во времена застоя развивалась со скоро-

стью 4% в год. При таком темпе ее производственный потенциал достиг бы к 2030 году 480%. У нас сейчас – 78%. Чтобы обогнать РСФСР, нужен ежегодный прирост не менее 17%. В противном случае зачем были реформы? Это и есть главный ориентир экономического развития России.

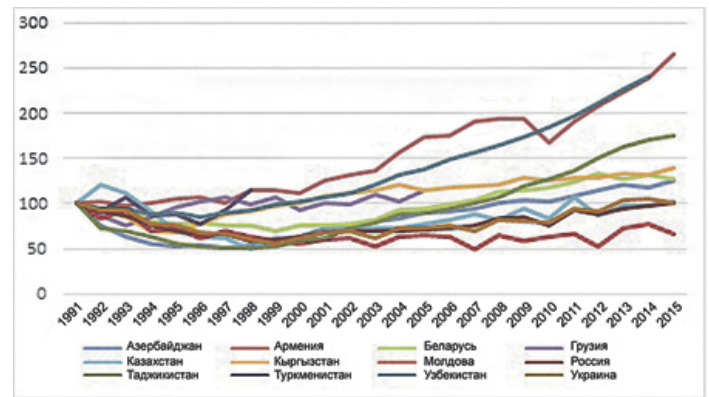

Рис. 2. Динамика индекса сельскохозяйственного производства в странах СНГ и Прибалтики.

Для изучения его достижимости полезно изучить опыт стран с максимальными темпами хозяйственного роста. По оценке агентства Bloomberg, в 2016 году наибольший прирост ВВП имели Индия – 7,4%, Вьетнам и Бангладеш – 6,6%, Китай – 6,5%, Шри-Ланка – 6,4%, Кения и Панама – 6,1%, Филиппины – 6,0%. Однако на самом деле лидерство принадлежало Узбекистану – 7,8%. Но его высокий темп может объясняться низкой исходной базой после распада Советского Союза.

Чтобы разобраться в результатах, рассмотрим динамику промышленного производства постсоветских республик по сравнению с пиком потенциала социалистической модели – началом 1980-х годов. Их траектории за четверть века отчетливо разделились на два кластера. Три республики вырвались вверх. Среди них лидирует Узбекистан, достигший 495%. Затем идут Туркменистан и Беларусь. Остальные государства находятся на уровне 100% или ниже по сравнению с дореформенным уровнем. У России – 78% (рис. 1).

Аналогичный анализ провели для сельскохозяйственного производства. Лидируют Армения и снова Узбекистан. Россия – среди аутсайдеров (рис. 2).

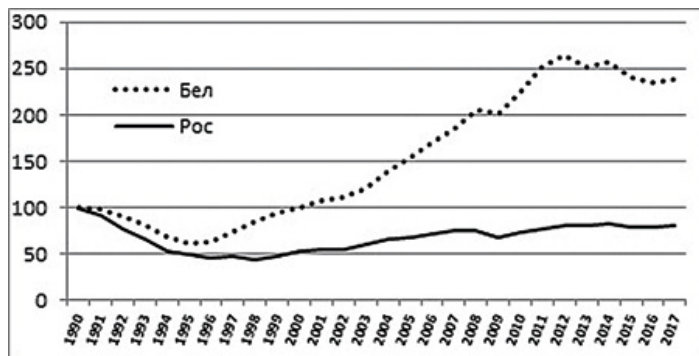

Рис. 3. Динамика индекса промышленного производства в Беларуси и России.

Значительный количественный отрыв переходит уже в качественную плоскость. Это означает наличие у лидеров каких-то инновационных свойств, неизвестных экономической науке. Для исключения территориальных и этно-религиозных особенностей рассмотрим раздельно по парам европейские (Беларусь–Россия) и среднеазиатские (Узбекистан–Казахстан) республики.

У белорусской экономики средняя скорость промышленного развития оказалась в 2–3 раза выше российской (рис. 3). Ее нерыночный характер подтверждает президент Беларуси Александр Лукашенко: «Мы не проводим курс рыночного государства, основанного на рыночной собственности, где приоритет – частной собственности, где государственное надо все порезать на куски, раздать, поделить». Но экономика Белоруссии не является и чисто плановой.

Темпы роста экономики Узбекистана в 4–5 раз превышали динамику либеральной экономики Казахстана (рис. 4).

В научной среде хозяйственная модель Узбекистана–Беларуси считается транзитной (переходной) от плана к рынку. Но какой им практический смысл переходить от темпов ежегодного роста 8–10% к стагнации и спаду? Лидеры обеих стран объясняют свои успехи именно спецификой выбранного уклада, считая его национальным достижением.

Есть ли у него преимущества перед социалистической экономикой? Для ответа сопоставим экономическое развитие республик в годы развитого социализма и нынешних реформ. При социализме (1970–1986) и сейчас (2003–2012) ежегодное промышленное производство прирастало: в Туркменистане – на 3,8% и на 10% соответствен-

но; в Узбекистане – на 3,8% и на 8,9%; в Беларуси – на 6,1% и на 8,7%. Вектор промышленного роста в Узбекистане в 1997–2016 годах значительно превышал вектор 1980–1990 годов.

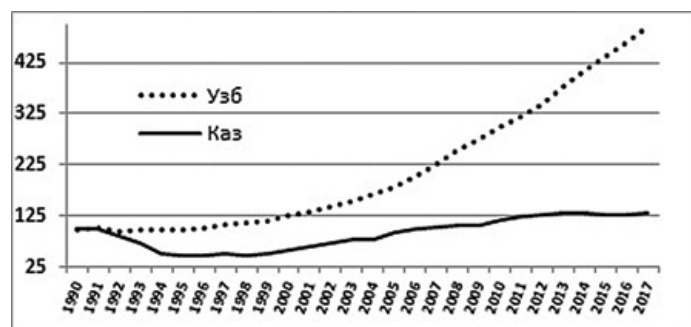

Рис. 4. Динамика индекса промышленного производства в Узбекистане и Казахстане. Составлены автором на основе данных Росстата и Межгосударственного статистического комитета СНГ

Значит, модель промышленного производства республик-лидеров оказалась эффективнее по отношению как к сугубо рыночной, так и к сугубо плановой экономикам.

С научных позиций, описанные процессы являются невольным экспериментом истории по выявлению более эффективного экономического уклада относительно капитализма и коммунизма. Изучение его природы обнаруживает симбиоз конкурирующих форм собственности: государственной (общенародной) и частной.

Частная собственность и рынок выигрывают в тактических сферах: с «короткими» деньгами, быстрой окупаемостью, лабильностью номенклатуры товаров. К ним относится розничная торговля, сфера услуг, общественное питание, ряд отраслей легкой и средней промышленности. Государственная собственность и план оказывается эффективнее в стратегических областях, требующих «длинных» денег, больших рисков, устойчивой номенклатуры товаров.

В результате к рыночным 4–5% добавляются плановые 4–5%, обеспечивая 8–10% ежегодного промышленного роста. Такую двуединую систему применил Рузвельт для вывода США из экономической депрессии 1930-х годов, использовал Эрхард для возрождения послевоенной Германии.

Но и этого недостаточно для темпа в 17%. Требуется дополнительный ресурс трудовой энергии. Таковой служит третья форма собственности – народные предприятия. Это «российское ноу-хау»

в виде артелей, товариществ и кооперативов появилось в конце XIX века. Изучением их механизмов занимался выдающийся отечественный экономист, социолог, социальный антрополог Александр Чаянов. Здесь управленческая власть и прибыль принадлежат самим работникам.

Конкуренция трех форм собственности, трех способов регулирования и трех типов производственных отношений формируют экономику «здорового смысла». Здравым считается то, что способствует развитию производительных сил. Она – не «левая», не «правая» и не «центристская», а «симфоническая». «Симфония» означает «созвучие» (греч.), где есть первое, второе, третье и все вместе; где слышен каждый инструмент и мелодия в целом. В отличие от капитализма и коммунизма тут любая собственность священна, и государство является субъектом рынка.

К этой идеологии приблизился в 2019 году Китай, заявив словами председателя Си Цзиньпина: «Государственные и все прочие компании должны быть поставлены в равные условия. Им должны быть обеспечены одинаковый доступ к сырью... и одинаковые возможности для конкуренции на рынке».

Симфонический экономический базис рождает и новую культурную надстройку: не буржуазную и не коммунистическую – евразийскую. Евразийство – это учение об обществе как гармонии противоположностей: Европы и Азии, материального и духовного, индивида и коллектива, иерархии и свободы. Его суть – соборность, где пропорции противоположностей определяются не политическими догмами, а хозяйственными потребностями. В результате возникает новая обще-

ственно-экономическая формация – социогуманизм, сочетающий права общества (societatis) и человека (homo, humanus).

Социогуманизм генерирует эффект «экономического чуда» – ежегодный рост ВВП на 20–30%. Первое «экономическое чудо» существовало в РСФСР с 1921 до 1927 года (НЭП). Крупная промышленность на 96% принадлежала государству. Мелкая и средняя промышленность на 90% находилась у кооперативного и частного капитала. В розничном товарообороте доли были примерно одинаковыми. Производство сельскохозяйственной продукции обеспечивалось на 99% крестьянскими хозяйствами, объединявшимися в товарищества по совместной обработке земли. В результате ежегодная динамика ВВП составляла в среднем 44%, в 1925 году при восстановленном после разрухи хозяйстве – 60%. К 1927 году был превзойден уровень 1913-го по многим параметрам. Без значительных внешних инвестиций осуществился план ГОЭЛРО.

Обеспечить дальнейшее развитие теории и практики социогуманизма не по плечу политикам. Требуется объединенный интеллект ученых разных направлений и стран. В этом процессе Россия – геополитически и этнически евразийская держава, способна стать интеллектуальным и духовным лидером в стремлении человечества к новой общественно-экономической формации: эффективной, справедливой, свободной.

Игорь Алексеевич Гундаров
доктор философских наук,
кандидат медицинских наук